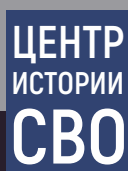

Преступления киевского режима в г. Димитрове и Покровском районе (ДНР) – убийства, насилие и грабежи русского населения

Москва, 2026 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты Российской Федерации М.С. Григорьев) создан в ходе Международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в национальные правоохранительные органы и представление информации на российских и международных площадках.

Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксированы многочисленные военные преступления киевского режима в г. Димитрове и Покровском районе (ДНР).

Согласно многочисленным свидетельствам пострадавших и очевидцев, убийства и охота на мирное население города и района были постоянной практикой киевского режима в районах Донбасса в период, когда они находились под его контролем. Особенно часто киевский режим убивал мирных с помощью дронов.

Мария Козлова из Покровского района свидетельствует об убийстве своей 5-летней дочери и мужа, которое было совершено ВСУ на ее глазах: «24 марта 2026 мы вывозили мою пятилетнюю дочку, которая уже была ранена. Я посадила её на плечи мужу, между рюкзаком и спиной, чтобы ножке не было так больно. Я на втором велосипеде. На мне ещё был плакат, что ребёнок ранен. Мы ехали, по дороге украинский дрон... мимо меня пролетает и прямо в ребёнка с мужем. Я бросаюсь на землю, отодвигаю, а он уже мёртвый. И малышка... Ей оторвало ножки и ручки».

Ирина Лугош рассказывает о том, как украинские дроны убили их сына: «Мой сын ехал с Заманского на велосипеде. Его дрон украинский убил... Ему правую руку оторвало и в живот. Он лежал на дороге».

Виктор Баутин из г. Димитрова рассказывает об убийстве своего друга: «Шаргина Лёху убили... Шаргин на машине «Ланос» начал перевозить вещи. И на Красноармейском мосту его дрон украинский спалил вместе с машиной».

Татьяна Шорец сама стала жертвой украинского удара: «От украинцев я получила ранение в правую руку. Был прилет мины со стороны Террикона, с северной части города, где стояли ВСУ. И осколок остался у меня в руке».

Особенно часто ВСУ наносили удары по скоплениям мирных граждан. Василий Проценко из г. Димитрова рассказывает: «Украинцы наших расстреливали, убивали дронами. В церковь, когда люди получали воду со скважины, дрон прилетел с украинских позиций. Семеро раненые, двое погибли».

Сергей Шубин свидетельствует: «А однажды прилетел дрон к скважине. Человек двадцать там было. Было видно, что это гражданские, потому что все с тележками, с баклажками. Летел украинский дрон, пролетел метров на тридцать, развернулся и в толпу лупанул».

Свидетели также рассказывают и о том, как украинцы расстреливали жителей города из стрелкового оружия по самым незначительным поводам или вовсе без повода.

Иван Семененко рассказывает: «На восьмом поселке пошел человек попросить у украинских военных сигарету, и его застрелили. Это улица 1-го Мая».

Александра Гавриленко свидетельствует: «А в начале улицы пара с Авдеевки жила. Муж вышел в огород, и его украинцы застрелили, не разрешали потом похоронить. Я не знаю, почему они его застрелили. Им-то всё равно, кого застрелить. Его Яша звали. У неё имя Майя, а у него Яша».

Евгения Пироженко рассказывает о том, как украинцы убили и не давали убрать тела двух мужчин: «В квартале в микрорайоне Восточный украинцы застрелили двух парней. Потом мать одного парня его искала. И потом опознала его. Они долго лежали, их никто не давал убирать».

Максим Горбань из Димитрова свидетельствует: «... недалеко от многоквартирного дома жили украинские снайперы. Они просто издевались над людьми, стреляли в любые части тела и ждали, пока человек истечёт кровью».

Не менее часто украинские военные избивали жителей города и района. Одним из пострадавших стал Роман Воротинцев из г. Димитрова: «Я пришёл забрать свои личные вещи. Вышел из квартиры, из подъезда, и украинские солдаты меня схватили, начали бить прикладами... Начали передёргивать автоматы и дальше издевались, били».

Жители г. Димитрова и Покровского района не имеют сомнений в том, что убийства их соседей происходили на почве этнической ненависти. Надежда Остапец из г. Димитрова свидетельствует: «Украинцы нас ненавидели. Ненависть у них прям хлестала». Угрожали, говорили: «Мы вас все равно убьем. Вы – не жильцы».

Александра Гавриленко также говорит о том, что русские для киевского режима «второй сорт»: «Шла бабушка, никому не мешала, она просто собирала эти несчастные бутылки, она с внучкой ходила.

Украинцы просто по ней ударили. Ненависть и ради игры, ради развлечения. Вы знаете, они нас – русских – всегда и всю жизнь ненавидели. Мы для них всю жизнь были чужими. Мы для них второй сорт».

72-летняя Нина Терновых также говорит о том, что русских «не считали за людей»: «У украинских военных такое настроение было – сделать наш город черный, разрушить и спалить. А наших они не считали за людей. Они говорили: «вы – ждуны, ждете, мол, русских», «это не люди, а ждуны».

Татьяна Шорец из г. Димитрова рассказывает: "А еще были расстреляны в селе Гришино отец и мать. Украинцы подъехали к магазину, сказали, что они – русские войска. Мать с отцом обрадовались – и их расстреляли.

Украинские военные считали, что мы ждуны, что мы предатели, мы сепаратисты, что мы вообще не должны жить, а они – хозяева жизни. А еще украинские военные расстреливали наших домашних животных. Говорили нам: «Мы здесь хозяева, мы что хотим, то и делаем».

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в грубых нарушениях Женевских конвенций, которые являются военными преступлениями, не знающими срока давности.

1

**Козлова Мария Сергеевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ из Покровского района ДНР**

«24 марта 2026 мы вывозили мою пятилетнюю дочку, которая уже была ранена. За день до этого был прилет украинского дрона к нам. У ребенка был открытый перелом голени, осколочные ранения. Мы доставали осколки кости прямо из ножки ее. Мы все зашили, наложили шины. Решили, что нужно вывозить ее – спасти ножку. 20 марта ей только исполнилось пять лет.

Я посадила её на плечи мужу, между рюкзаком и спиной, чтобы ножке не было так больно. Он поехал вперёд. Между нами расстояние было метров пять-десять. Я на втором велосипеде. На мне ещё был плакат, что ребёнок ранен.

Мы ехали, по дороге украинский дрон. Начал в нас целиться, мы увернулись, проехали дальше. Как можно больше мы жали по скорости, чтобы ехать быстро насколько это возможно.

Буквально минуты три, и я слышу – летит. Я же еду сзади. Поворачиваюсь. Кричу: «Я слышу, летит». Мужу кричу: «Летит». Я слышу – приближается. Кричу: «Он приближается». Я поворачиваюсь, вот он уже близко, мимо меня пролетает, и прямо в ребёнка с мужем.

Я бросаюсь на землю, отодвигаю, а он уже мёртвый. И малышка... ее откинуло на обочину, она лежит мёртвая. Она украинскому дрону ручками еще махала на камеру. Ей оторвало ножки и ручки.

Я сбрасываю рюкзак, сбрасываю всё. У меня ещё котёнок был. Я везла дочери котёнка, чтобы ей было легче, потому что она же уже мучилась от боли. Я это всё сбрасываю. Слышу, летит еще дрон. Я, честно говоря, даже боялась поднять голову, чтобы они не видели шевеление. Пускай думают, что я мёртвая.

Потом я начала выползать оттуда. И потом уже навстречу солдаты российские. А тело дочери я привезла с собой, она сейчас в морге в Ясиноватой, а муж там, где был убит пока остался.

Для украинцев мы – предатели, потому что мы выбрали русскую сторону. Но это наша сторона. Самая большая злоба на нас. Как украинцев обучают убивать мирных? Убивать мирных с детьми, которые ранены? Я не могу это передать словами даже».

2

**Остапец Надежда Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Димитрове (ДНР)**

«Украинцы нас ненавидели. Ненависть у них прям хлестала. Угрожали, говорили: «Мы вас все равно убьем. Вы не жильцы». Говорили еще: «Зачем вам свет, покойникам?» Вот так вот и говорили. Разрушим все, не оставим тут даже будку собачью. Вот так нам говорили. Я лично слышала все это. И они разрушали город. Сразу уничтожили шахты. Уничтожили рынок, шахты уничтожили. Они даже видео выставили в ТикТоке: мы вот уничтожили

центральную шахту, и со Стаханова шахтой также будет, и с Капитальной. И на следующий день Капитальная была разрушена.

Потом на наших глазах мы видели, как украинские дроны охотятся на людей... летает, летает, летает и находит, где кучка людей, очередь туда. Еще когда магазины пытались работать. Их дроны специально искали. Однажды так и искал и прямо в очередь ударил и взорвался. Очередь в магазин была.

Это было лето 2025-го. Это где-то был июль или июнь. Светлый рынок, мы как раз приехали закупаться. И мы видим, как украинские дроны ищут людей. Мы сразу под крыши, под ларьки попрятались. И все люди смотрят. И вон за рынком стоит магазинчик у нас «Светлячок». И дрон туда. Прямо в очередь. Там людям, и руку оторвало, и голову, и пальцы. И крик был жуткий. Трех убили. И раненых пятеро было.

В другой раз за хлебом люди стояли, тоже в очереди, украинский дрон на глазах у моей соседки. Она говорит, что сама еле живой ушла. Этот хлеб продавали на дому на улице, и вот люди некоторые бегали туда за хлебом. Украинские дроноводы сказали: «Закрывайтесь, не надо продавать». Украинские военные прямо приходили к хозяйке. А она думала, вот сегодня продам, и закроюсь, но не успела. Удар дроном прямо тоже в очередь. Одиннадцать пострадали. Одного, по-моему, убило сразу. Это тоже лето было. Но это было уже позже июня. Базар был уже разгромлен наш. Вот этот, Светлый рынок. Магазины уже не работали. Это было начало августа.

Вот тоже однажды украинцы пришли в седьмой дом в районе Светлом, у моей свахи. Это микрорайон Светлый. Они пришли, там люди жили в подвалах и сказали: «Уходите отсюда». Народ сказал: «Ну куда мы пойдём?» Они говорят: «Через полчаса сейчас русская ракета прилетит». Но мы-то знаем, кто на самом деле будет разбивать, что это украинцы. И ровно через полчаса удар. Кто ушел, тот не погиб. А погибло 11 человек. Прямо завалило дом. Ужасно. Пятиэтажный дом. Седьмой. Прямо полностью снесло. Полностью. Плиты попадали. Одна девочка, ее придавило и только одна голова осталась. Но ее не смогли спасти, потому что плиту никто не поднимет. И она умерла. И муж ее сразу умер. Это было уже начало осени 25-го года.

Украинцы с дронов поджигали, сбрасывали взрывчатку и поджигали дома. Однажды с Площадки, это у нас есть такой микрорайончик маленький, летит дрон. Он как летит, мы всегда прячемся. Он на глазах наших в дом соседней улицы. Именно украинцы били.

Тогда мы были на Площадке, мы еще летом ездили за хлебушком там закупаться. И мы с мужем на мопеде мотались. И много там было украинских солдат, очень много. Они прямо как хозяева приходили – ящиками все выносили с магазина. Они там близко располагались. Видно было блиндажи, когда мы проезжали на велосипедах.

Почему они нас убивали? Во-первых, ненависть. Во-вторых, приказ у них: сжечь 5 домов в день. Это украинский военный сказал нашему знакомому. Пять в день. Ну, в сутки. Они много мирных домов сожгли. Много-много – целыми улицами горели. Где горели, где просто взрывались, рассыпались. А минометом у нас соседа они убили. И минометом убило моего бывшего мужа. Он инвалид был, инсульт у него. И он передвигался очень-очень

плохо. Мы ухаживали за ним. В дом залетел осколок от мины и попал ему в ногу, перерубило ему ногу, она полностью была как на шкурочке. А помочь никак. Кровь вытекала, рана загноилась, наверное, заражение. 22 октября его ранило, а 30 октября он умер. 9 дней он мучился.

А соседа мгновенно убило. Мы пошли доить корову, и начались прилеты. Именно наш квадрат обстреливался их минометом. Летело оттуда, где украинцы находились. Оттуда летело. И стена от мины упала там, где мы корову доили, коз доили. Пряма стена упала. Как я только до дверей добежала? А соседа с разу убило. Мгновенно. Было шесть мин. Ужас. Это очень страшно. Это 21 октября было на Карьерной улице, там 4 дома, буквально квадратик, и их они обстреливали. Соседу убитому было 64 года, Евженко Евгений Владимирович.

А муж мой – Грабин Михаил Иванович. Ему было бы 62. Но не успело исполниться. Украинцы квадрат обстреливали. Только на следующий день чуть-чуть они продвинулись. Следующий квадратик у них пошел, и Миша попал под следующий обстрел. 21-го украинцы Женю убили, а Михаила 22-го».

3

Сукова Линура Муратова, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Димитрове (ДНР)

«Мой дом и квартира полностью уничтожены украинскими военными. Там много мирных людей в нашем доме жило. Они дронами закидали. Много жило в этом доме. Значит надо им уничтожить.

Я даже лично слышала, слышала через балкон, как по рации говорили. Говорили: «У вас кто там сидит? Сколько там живет ждунов?» Говорит: «Вы узнали?» Узнали, говорят, – 7 человек живет. И говорят по рации: «Ждунов – гасите». Вот они и постарались.

Это я лично слышала, я успела запрятаться и выскочить с балкона потом. Успела выйти. А на следующий день я уже спасала свою подругу, мужа ее, двоих детей, спасала, вытаскивала их.

Украинцы дронами закидали дом, и он сгорел. И дроны прилетали прямо на первый этаж, и полностью выгорел подъезд. С первого по пятый этаж полностью. А у нас жило четыре семьи. Десять человек, ну и дети, двое детей было. Микрорайон Восточный, дом 23. 17 июня. Это было 15 августа.

Где я жила потом, мужчина мне в доме место предоставил, украинские солдаты пришли вечером. Говорят: «У вас бензин есть?» Он говорит: «Нет, бензина у меня нет». Но он собирался ехать в Доброполье за бензином. Я говорю: «Саша, надо было сказать, я еду, я вам привезу бензин». Украинцы выследили, что он выехал утром, этот мужчина. Он приезжает с Доброполья, с продуктами, конечно. Он такой довольный, что купил селедочки там, шоколадку там купил, довольный такой был мужчина. И в этот момент падает дрон. Начинает гореть весь второй этаж. Я говорю: «Саша, бегом спасаем вещи». Поднялись на второй этаж, бесполезно. Сразу все темное стало, все в дыму, дышать невозможно. Вещи я свои не спасла».

А потом украинские солдаты мне сказали: «А жадничать не надо, надо было бензина дать». Они меня встретили на улице, когда мы перевозили вещи.

А в следующий раз Саша сидел на крылечке, и снова начался обстрел. Я говорю, Саша, зайди в летнюю кухню. Да мне, говорит, тут безопасно. Он не боялся, почему бы он такой мужчина был. Говорит, я тут буду сидеть. Ну, Саша, ну не сиди, ну обстрел будет. Ну, какое-то время, минут 10-15, тишина была. Потом украинский обстрел. И вылетели ворота, и осколок прямо ему в сердце. 4 сентября его убили. Решевский Александр Северьянович. Ему 72 года было. Дочка в Днепре осталась. И сын его похоронен в огороде. Рядом две могилки.

И еще сына убили у одной женщины. Ну, он их ненавидел конкретно, и они, видно, это поняли. Он шел, уже поздно шел. И они его дроном увидели, что он идет, и дроном конкретно его убили. Убили 7-го числа. Сорок один год, Евгений Николаевич Лугош. Ему руку оторвало по плечу.

А Сашу 4-го убили сентября, тоже в 2025 году. И мы не могли похоронить, не могли забрать, потому что эти украинские дроны висели, никого не подпускали. Вот эти могилы там мальчишки копали на свой страх и риск. Копают могилы, дроны подлетают, смотрят, что мы делаем. Пацаны убегают, ну страшно же. Смотрим, ага, небо чистое. Побежали опять, начали копать. Опять подлетают, опять пацаны разбежались.

Случай еще у нас был. У нас наследство от Саши, что погиб, остались куры. Мы их воспитывали, кормили. Украинские солдаты приходили. Ира на кухне была. Солдат говорит: «Хлебушек дай, чаю». Ира дает им хлебушка, водички, чайку. И вот они «Алмазу» сообщают, позывной «Алмаз» кто у них дронами занимался был, сообщают, что тут живет бабушка, 65 лет. Он услышал, что курица, пошел в курятник, вышел. Где-то дня через два я захожу в курятник, а там мина. Ее всунули туда. Зашли и поставили. Зная, что мы тут, что я ухаживаю за женщинами. Вот так доблестные украинские солдаты».

4

Лугош Ирина Михайловна, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Димитрове (ДНР)

«Мне 65 лет. Мой сын ехал с Заманского на велосипеде, на Гребле. Его дрон украинский убил, это было 7 сентября 25 года. Лугош Евгений Николаевич, 41 год. Ему правую руку оторвало, и в живот. Он лежал на дороге. Я ее не нашла даже, правую руку. А летом 2025 мать с сыном украинский дрон разорвал. Конечно, украинские солдаты знали, что это мирные люди.

Они вообще гонялись за людьми. Однажды, еще раньше, мы как-то шли с рынка. Я, соседка и сын мой с велосипедами. Дроны нас гонять начали. Мы стояли, стояли, стояли, стояли под деревьями. Вроде бы улетел, и мы пошли. И он нас так снова догоняет. Мы по дороге шли, по Донской, и дрон попал в гараж около нас. У нас немножко оглушилось все. За людьми дроны их гонялись. Украинцы нам говорили: «Здесь живого ничего не оставим. Когда будем отходить, ничего живого не будет. Всё разобьем».

5 Семененко Иван Семёнович, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Димитрове (Покровск), ДНР

«На восьмом поселке пошел человек попросить у украинских военных сигарету, и его застрелили. Это улица 1-го Мая.

У них там была где-то позиция. Человек попросил сигарету, и его просто застрелили.

На нас охота была дронавая у украинцев, дронами они палили людей.

Человек по воду идет, и может охотиться украинский дрон на него. Все это у них в порядке вещей.

И дома наши дронами они палили. У них разнарядка – 5 домов в день спалить.

Когда они отступали, они зашли в мой дом и своровали деньги и документы, пакет документов. Хорошо, меня не было дома».

6 Гавриленко Сергей Владимирович, 65 лет, житель города Димитрова

«Я жил в Димитрове на улице 24-го Партсъезда, дом 40. Около нас соседи жили, переселенцы. Захотелось мужчине закурить, а недалеко от них была военная точка украинская, и он пошёл к ним попросить сигарету. Они его просто расстреляли. Потом несколько дней супруге не давали тело забрать, он просто лежал на улице 24-го Партсъезда, ближе к трассе. А сам убитый с Авдеевки был. Это все было осенью 2025 года.

Только где-то через неделю приблизительно, украинцы подпустили людей и дали забрать, похоронить. До этого их собаки тягали.

Моя супруга, Гавриленко Александра Александровна, чуть не погибла. Вечером мы держали хозяйство, курей. Она пошла закрывать курей. Ну, как пошла... перебежками. Нас всё время атаквали украинские дроны. Она выскочила, чтобы курей закрыть на ночь. Дрон заметил, и пошли обстрелы с миномётов, миномёты рядом стояли. Потому было слышно, откуда выход и прилёт. Дрон завис над ней и давай корректировать обстрел. А у нас ходила по улице собака, массивная, большая. Супруга ее подкармливала. Благодаря собаке она осталась жива. Собака прыгнула и все осколки на себя взяла, прикрыла. Жена жива.

А я от украинцев контузию получил. Сидел я у беседки. Беседка большая, восемь на четыре. Дома поработал и сел в беседке, думаю: перекурю, отдохну. Только взял сигарету, слышу гул беспилотника. И слышу, что гул усиливается. Я понял, что он летит в меня. Ну, я

сразу падать. А передо мной на улице пять больших елей, они уже метров по двенадцать. Они мне и жизнь спасли.

Он врезался в ель и взорвался. Буквально в четырёх метрах. Украинский беспилотник. Мне ранило ухо, пробило. И у меня по черепу полоска – осколок прошёл. Это летом 2025 было.

А однажды женщина шла с внучкой за водой, тянула тележку с собой, с баклажками, ну и её атаковал украинский дрон. Обе убиты.

Украинцы в основном атакуют мирное население. Мы для них ждуны, мы для них не люди. Я про Зеленского только матом могу говорить. Я лучше плюнул бы ему в лицо за весь народ. У Украины будущего нет. Нищета, голод, больше там ничего не будет».

7

Гавриленко Александра Александровна, жительница города Дмитрова

«У нас постоянно над двором висел дрон. Я пошла закрывать хозяйство, курей. А тут дрон украинский меня увидел.

И тут же выстрел был с верхней улицы, там стояли на расчёте украинцы. И тут же полетела мина. Я вниз села и просто повезло, что сзади меня стояла очень крупная собака. Она вся в решето. Я только побежала, а вторая мина уже прилетела. А дрон откорректировал.

А в начале улицы пара с Авдеевки жила. Муж вышел в огород, и его украинцы застрелили, не разрешали потом похоронить.

Я не знаю, почему они его застрелили. Им-то всё равно, кого застрелить. Его Яша звали. У неё имя Майя, а у него Яша.

А однажды у нас мужчина пропал. Мужчина пошёл, ну, еду искать. Тачка есть, а его нет. Куда он делся? Никто не нашёл его больше. Фамилия Разин была.

У нас племянник перед тем как выехал, получил ранение. Его сильно дроном украинским зацепило, когда они расстреливали рынок. Тогда у нас ещё более-менее люди торговали. И люди бежали туда хоть что-нибудь купить поесть. Один дроны корректировал, а другие дроны били, прямо били по машинам, по людям. У них повредило сильно машину. Это был июнь 2025 года.

Это у украинцев такие игры были, игрались. Шла бабушка, никому не мешала, она просто собирала эти несчастные бутылки, она с внучкой ходила. Украинцы просто по ней ударили. Ненависть – и ради игры, ради развлечения.

Вы знаете, они нас – русских – всегда и всю жизнь ненавидели. Мы для них всю жизнь были чужими. Мы для них второй сорт.

Даже сейчас, после освобождения, идут наши уже военные по улице, а рядом параллельно шла женщина. Видно, что мирная она. Ничего на ней военного нет. А украинский дрон на неё ударил.

Дай Бог, чтобы Украины вообще не было. Я так думаю, что она разделится».

8 Пироженко Евгения Борисовна, жительница города Дмитрова

«В квартале в микрорайоне Восточный украинцы застрелили двух парней. Потом мать одного парня искала. И потом опознала его. Они долго лежали, их никто не давал убирать. Я не знаю почему они застрелили двух парней.

Соседку мою, Татьяну, украинский дрон ранил. Это было в октябре, в октябре 2025 года. У нее была открытая черепно-мозговая травма. Еще через несколько домов сосед ехал на электровелосипеде. И тоже дрон сзади прям в велосипед, у него тоже ранение был очень большое. Ему за семьдесят уже было, зовут его Анатолий, отчества не знаю. Он просто выехал на велосипеде. Поднялся украинский дрон и ударил ему.

Украинцы били по рынку. Дронами разбивали палатки, где торговали. И как раз народ был в это время. И в магазинчик небольшой, и прям туда дрон прилетел. Еще минами нас обстреливали. Летом, еще когда российских войск близко не было. Слышно выход и сразу же прилет. И грабежами занимались, мародерством занимались украинские военные. С квартир выносили. Прям уже упаковывали и на вывоз ставили».

9 Терновых Нина Ивановна, жительница города Дмитрова

«Мне 72 года, я жила в Дмитрове на переулке Львовский. У украинских военных такое настроение было – сделать наш город черный, разрушить и сжечь. А наших они не считали за людей. Они говорили: «Вы – ждуны, ждете, мол, русских», «Это не люди, а ждуны». Вы знаете, у нас воды близко не было, и мы ходили в балку. И очень много людей по дороге от украинских дронов погибло. У нас вот соседка кушать готовила на кухне, и дрон залетел в окно. А там печка газовая, баллон стоял.

Дрон взорвался, все пламенем взялось, и она заживо сгорела. А ей уже под восемьдесят лет было. Она только увидела, что летит, и она не успела даже выбежать с кухни. Говорит: «Я упала, а надо мной все горит». Ее облили водой, еще живая была. Но на утро она скончалась. У нее уши сгорели, она сгорела заживо. Жалко было женщину, неплохая женщина. Это по Львовскому, 6, в нашем подъезде произошло. Вообще по воду ходило много людей. И дроны падали прямо под ноги, и люди потом замертво падали. Украинцы видели, конечно, что не военные, что мирные. Одну еще женщину убили, она принесла воды уже почти до подъезда. И тоже дрон обрушился, прямо перед ней. Она замертво упала. Тоже украинский дрон. Ее Алла звали. А перед этим она мужа похоронила, тоже дрон убил. Так вдвоем и похоронили возле дома и мужа и ее».

10 Проценко Василий Георгиевич, житель города Димитрова

«Я жил в Димитрове на улице 8-го Марта, дом 99. Украинцы наших расстреливали, убивали дронами. В церковь, когда люди получали воду со скважины, дрон прилетел с украинских позиций. Семеро раненные, двое погибли. Это было еще в 2024 году в середине осени.

В церковь приходило много прихожан. Украинцев это сильно разозлило, и украинские военные начали эту церковь просто кошмарить. Угрожали батюшке спалить дом и церковь, после того как он отказался отдавать им церковь. А потом туда прилетел дрон со стороны украинских позиций, со стороны кладбища. Украинцы устроили провокацию – через пятнадцать минут приехала пресса и начала снимать, и начали говорить, что это русская артиллерия бьет по мирным жителям. А им кричали жители: «Заберите раненных». А они просто молча развернулись и ушли. А еще украинцы стреляли по велосипедистам. Украинец очередь дал по женщине. Ну а им было в прикол это. Они не считали нас за своих, они называли нас «ждунами». Говорили: «Мы вас будем просто стирать с лица земли». Они сказали: «Мы будем отходить с Димитрова и сотрем и Димитров полностью вместе с вами». Они не стеснялись убивать гражданских ни автоматом, ни дроном. И даже никак это не скрывали.

Однажды ранили, у нас и была паника. А я побежал за помощью, по дороге встретили меня – украинский снайпер вышел и два дрончика. Я говорю: «Ребята, помогите, пожалуйста». А он говорит: «Где раненные? Сейчас мы птичку поднимем и добьем».

11 Шубин Сергей Николаевич, житель города Димитрова

«Я жил в Димитрове на улице Легендарной, сначала в 25 доме, а потом, после того как украинцы дом сожгли, в 16 доме жил. Украинцы к нам агрессивно относились, называли нас «ждунами», «козлами» и нецензурными словами. Людей ставили на колени под автомат и заставляли кричать «Слава Украине», кричать «Героям слава». Одного человека вытянули его из дома и на воротах распяли – цепями привязали, расстреляли и оставили так. А однажды прилетел дрон к скважине. Человек двадцать там было. Было видно, что это гражданское, потому что все с тележками, с баклажками. Летел украинский дрон, пролетел метров на тридцать, развернулся и в толпу лупанул. Украинские солдаты нам говорили: «Когда мы будем уходить, мы взорвем здесь все, вас в том числе. Мы не оставим ничего здесь». Говорили нам: «Вы не люди».

12

Вилянский Павел Олегович,
житель города Димитрова

«От украинского обстрела погиб мой дядя. Это было в августе месяце. Мы жили на одной улице. Они уже переехали к нам, когда их дом разбило по улице Крупская в Димитрове. Они где-то часов в шесть вечера к нам зашли в гости. Мы посидели, чаю попили – ещё тогда можно было как-то более-менее ходить. И они потом пошли домой к себе. И тётя ещё говорила, что над нами дрон летал и рассматривал нас. Говорит: «Мы забежали к себе домой, там, где они жили, спрятались в летней кухне, подождали, пока он улетит. А это пожилые люди – дяде уже было 70. Ну видно было, что это пожилые люди. Говорит: «Мы забежали в дом. Уже в доме запрятались, а там дом большой. И начался миномётный обстрел». Тётя рассказывала, что они сидели с дядей, ей надо было пойти на кухню таблетки выпить. Она говорит: «Я только

вышла – бабах, прилетела мина, всё в тумане. Я зову дядю, а дядя только успел попрощаться, сказал: ну всё, прощай». Мы, получается, дядю положили в одеяло, завернули. И сразу на следующий день, это уже вечер был, на следующий день могилу начали копать прямо в огороде. Папа специально крест ему сделал, написал. Мы поставили крест, чтобы было видно, что мы могилу копаем. Украинские дроны очень много летали. Там пять минут копаешь — забегаешь, ховаешься. Получается, мы выкопали могилу, похоронили его, уже закопали. Только все в дом зашли. Папа с мамой уже ушли до себя домой. Я с тётей остался, ей помочь вещи переставить. Дом разбитый, всё в пыли. И тоже начали украинские дроны летать. Мы залезли в погреб. Просидели, наверное, минут десять или пятнадцать. И я слышу – дрон разгоняется. И бах! У нас опять пыль. Получается, дрон влетел прямо в дом и как раз в крышу. Дома, если бы мы в подвал не пошли, мы бы, наверное, тоже пропали, погибли. Это очень тяжёлые воспоминания были.

На соседней улице мужчину дроном убили. Дронами били часто и постоянно, и много людей от дронов погибло в городе. Мои родители в церковь ходят, там бабушка была одна, уже церковь закрылась, батюшки уехали, она присматривала за церковью. Она пошла в огород копать картошку, и её дроном убило, её прямо на две части разрубило, просто бабушка пошла в огород копать картошку.

Лично я так понимаю, что украинские военные думают: если мы остались здесь, то всё – мы уже враги, и убивают».

13

Воротинцев Роман Сергеевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Димитрове (ДНР)

«Украинские военные очень плохо относились к жителям Димитрова до прихода российских войск – убивали, избивали. Меня самого избивали. Я пришёл в свою квартиру забрать вещи, потому что из-за холодной погоды мне пришлось переезжать в дом, где есть

печь. У нас отопления не было, света не было. Я пришёл забрать свои личные вещи. Вышел из квартиры, из подъезда, и украинские солдаты меня схватили, начали бить прикладами. Они были в нетрезвом состоянии и повели в школу, сказали, что расстреляют.

Начали передёргивать автоматы и дальше издевались, били. Это продолжалось часа три. Я был сильно избит и ходил с синим лицом.

Они еще меня спрашивали, где взять наркотики. Требовали, чтобы я нашёл наркомана, чтобы нашёл им наркотики. Я документы им показывал, что я пришёл по месту прописки, мне надо забрать просто свои вещи. Они в нетрезвом состоянии были, сильно не в трезвом. И начали меня бить прикладами прямо во дворе. Это было 5 марта прошлого года,

2025-го года, ул. Мухаммадиева, 4-17.

От украинских дронов пострадало много людей. Мы с соседом похоронили очень много людей. В меня чуть не попал дрон. Мы поехали в Доброполье, там ещё можно было летом купить табака, позвонить родным можно было, там ещё связь была. Мы поехали велосипедами, машиной уже нельзя было. Проезжая Родинскую, над головами пролетел дрон.

Метров десять от меня упал, мне под глазом рассекло, а другу – второй велосипед ехал – ноги посеколо. Когда мы начали идти домой потихоньку по посадкам, там был город Родинское, местные люди, видя, что мы в крови, говорят: «Это по вам прилетело?» – ну, по нам. А они говорят: «Мы видели, что он вылетел с Родинска, этот дрон». Они видели его. Тогда там только ВСУ было.

Мы четверых хоронили, кого они дронами убили. Бабушка, моего знакомого мама, получается, мама готовила кушать на кухне, и залетел дрон прямо в окно в четырёхэтажку. Она вся обожжённая и утром умерла. Под подъездом похоронили. Фамилия Яковец. Где-то лет 70 ей было. Потом, 8 августа, дядю Славу убили – он тянул уголь домой с сыном. Дрон под них упал, порубало ноги им, полностью отрезало ноги. Пока домой довели, он умер на машине. Где-то 60-65 лет.

А сына потом пристрелили украинцы. Пашка, где-то ему под 30 было. Когда погиб его отец, он начал винить украинских дронщиков в этом. Где-то сзади кто-то увидел из этих украинцев и в спину ему пулю. Олег хоронил, где-то в начале сентября.

И одного, и другого – и отца, и сына – похоронили возле дома, там, где они жили. Островского, 11. Там вдвоём они и похоронены. И соседку нашу дроном убили. У неё тоже дом разрушен, она жила напротив. Туда сильно прилетело. Они пошли за углём к соседям с сестрой.

И дрон пролетел в одну сторону, развернулся, и прям ей под ноги. Осколок насквозь прошёл через спину, через сердце и вышел. 5 января. Ее сестре в спину попало, она мешок несла на спине с углем, получается, что осколок попал прямо в этот мешок, повезло. А чуть ниже – убило бы её. А она выжила.

Они всё время дронами били. По барабану – местные, не местные – какая разница? Били. Тренировались, игрались, я же не знаю, для чего. И злость к нам у них».

14 Баутин Виктор Алексеевич, житель города Димитрова

«Шаргина Лёху убили. Его кум Шаргину свою квартиру дал жить.

И Шаргин на машине «Ланос» начал перевозить вещи. И на Красноармейском мосту его дрон украинский спалил вместе с машиной.

У меня украинцы окопы подрыли под самую хату. Однажды подходит их офицер: «А чего не эвакуируетесь, что, «русский мир» ждем?» Обложил матом. Короче, сказал так: «Собирайся, иначе будет плохо».

А нас спасаловку зашли бэндеры. Там два трехэтажных дома стояло, один двухэтажный. И вот они в подвале там оборудовали всё, нанесли туда воды, пайки. До Вальки начали приставать пьяные, и ей ляшку прострелили. А мужу ее руку прострелили».

15 Шевчук Василий Андреевич, житель города Димитрова

«Я жил в городе Димитрове в Красноармейском районе, улица Китченко, 49. Как-то недалеко от меня ехали люди за водой, вылетел украинский дрон и сразу мужчину убил. В июне 2025 года на Китченко.

Люди пришли и говорят, что так и так, Илюхиного батю убило. Он от нас домов через десять жил. Они жили тоже, они с дома на дом переезжали, потому что дома украинцы разбивали, люди переезжали в другой. Мы его там во дворе и похоронили. А потом через некоторое время были обстрелы, и мина прилетела им во двор, и его сын сидел дома, и через дверь его убило. Лёша его звали. До меня пришли, попросили, чтоб помог их хоронить.

А однажды мы с соседом вышли и услышали, что уже гудит, подняли голову вверх – там дрон. Ну, видно было, что он загруженный, что взрывчатка. Я ему говорю, давай быстрее в гараж, рядом гаражи открытые. И мы успели туда забежать и одну половину гаража закрыть. Взрыв – и мне в голеностопный сустав осколки. Теперь надо лечиться.

Такое ощущение, что этот дрон летел вроде как в другую сторону. Но увидел нас и развернулся специально. Сосед Вавлик, с кем я был, пожилой – ему под 80 лет, говорит, что ты машинально дверь одну половинку гаража прикрыл, и дрон не смог залететь в гараж. Если бы он в гараж залетел, нас бы уже не было в живых. У него тоже осколочные ранения по ногам».

16 **Ишимцев Дмитрий Сергеевич,**
житель города Димитрова

«В Димитрове я жил в микрорайоне Восточный, дом 7. Где я жил, рядом с нами там были украинские дрончики. Нас там жило 18 мирных человек. И, короче, настал день, когда они выехали, и по нам пустили семь ракет. Мы в это время находились на улице.

Они выехали, забрали антенны и пустили по нам ракеты. В один прекрасный момент... слышим, свистит ракета, ну и мы сразу бегом в подвал. Прямо в наш дом прилетело.

А одного человека убило в соседнем доме дроном. Насмерть. А еще был случай... У нас там в одном доме ловилась связь, Интернет. И мужчина пошёл на пятый этаж. Мужчина пошёл, а там была растяжка, и ему оторвало две ноги. А перед этим там жили украинские военные.

Украинцы вначале уничтожали мужчин. Мы выходили по дрова, а они целенаправленно били по мужчинам. А потом уже стали и по женщинам».

17 **Шорец Татьяна Александровна,**
жительница города Димитрова

«От украинцев я получила ранение в правую руку. Был прилет мины со стороны Террикона, с северной части города, где стояли ВСУ. И осколок остался у меня в руке. Мы жили на улице Урожайная, 119. Это было 21 ноября 2025 года. То есть российских войск еще не было нигде. И там, где стояли украинцы, оттуда минометная мина прилетела. Рано утром, перед этим, был прилет непосредственно в наш двор. Пострадала зимняя кухня. Были завалы, мы решили расчистить дорогу, потому что просто невозможно было ходить. Вышли расчищать, прилетел дрон, пролетел, посмотрел, и через буквально две минуты прилетела новая мина. Я просто не успела добежать и получила ранение.

Дроны гонялись за людьми. Постоянно их преследовали. 29 декабря погиб мой знакомый. Он просто не дошел домой. Украинский дрон его убил. Это произошло на переулке между улицей Урожайной и Красной. Здесь переулок Потемкина. И вот на перекрестке. Украинские дроны за людьми охотились. Они устраивали сафари, выслеживали их.

Еще одна семья была – жило их пять человек. Они в пять часов вечера сели ужинать, и дрон залетел прямо в окно. Это было 5 декабря. Улица Урожайная, 32. Вячеслава на улице дрон убил. Он просто не дошел домой. Он шел домой, он жил на соседней улице, взял вещи какие-то и не успел дойти домой.

Люди, у кого были скважины, заводили генераторы. В определенный момент люди приносили бензин, чтобы сообща набрать воды. И узнавали украинские военные, когда у нас вода будет, когда мы будем генератор заводить. И в этот момент, на следующий день, когда было скопление большого количества людей, дрон ударил. И погибли люди. Это было на улице Челюскина. Человек шесть погибло точно.

А еще были расстреляны в селе Гришино отец и мать. Украинцы подъехали к магазину, сказали, что они – русские войска. Мать с отцом обрадовались – и их расстреляли.

Украинские военные считали, что мы ждуны, что мы предатели, мы сепаратисты, что мы вообще не должны жить, а они – хозяева жизни. А еще украинские военные расстреливали наших домашних животных. Говорили нам: «Мы здесь хозяева, мы что хотим, то и делаем».

18 Гер Владимир Иванович, житель города Димитрова

«Хохлы постоянно поздравляли нас с праздниками. Они постоянно бомбили нас на все наши праздники. Это они посылочек нам пришлют, туда, сюда кинут. Ракетами гахнут. Просто, чтобы люди уезжали, бежали.

В 2024 году новая украинская бригада заехала, повесила дроны и начала с дронов расстреливать со всего, что есть в этой бригаде: артиллерией, минометами, градами там. Я выходил и видел тело убитого мужчины. Он вот так вниз лежал, я видел сам. У нас много погибло людей в моей Новоалександровке. Украинцы стреляли 155-й артиллерией. Они с двух сторон с бугров поставили артиллерию и нас расстреливали.

Моя кума погибла, много людей у нас погибло. А в Димитрове от рук украинских военных погибли в гараже люди. Они затянуты были в гараж, лежали тела. Я их лично видел. Даже кровь сгустками лежала свежая. Наших мирных просто расстреляли. На Восточном, дом 13, четвёртый подъезд. А напротив гараж, и их вот тут расстреляли. Видно, в упор стреляли. Перетащили, затащили в гараж, и бросили. Это двадцать пятый год, август месяц, ну, после Дня шахтёра это было.

Украинцы не дали похоронить их сразу, они бы просто нас постреляли. Мы ничего не могли сделать, потому что накрыть быстро нечем было, чтобы привалить там, накрыть, чтобы собаки не растащили. Мать потом одного нашла – своего сына, а того, считай, собаки съели. А рынок украинцы целенаправленно миномётами били. Они тогда двенадцать мин кинули. Я по выходам знаю, что двенадцать было. Побило хорошо тогда рынок. Иван Цыган магазин держал, туда прилетело – трое раненых и он сам.

По Димитрову много народу от украинцев погибло. А на поселке, перед выездом, человек был – и заживо сгорел. Частный сектор – много народу погибло. Они зажигалками бьют, что-то там возгорается, оно водой не тушится, а разгорается ещё сильнее. Украинцы всё что угодно применяли. У нас Сашу убили у магазина «Вираз». Начался минометный обстрел. Да, они миномётами закидывали, и он в спину получил. Там под Димитровом много могил – и под многоэтажками, и по частному сектору много погибших».

19 Горбань Максим Сергеевич, житель города Димитрова

«Украинские военные хотели побыстрее избавиться от мирного населения.

Они выгоняли людей просто из домов, насильно выгоняли с частных секторов, ставили артиллерию свою. Выгоняли людей из многоквартирных домов, поджигали дома, потом в подвалы заходили, селились в подвалах.

Когда работал в магазине в городе, где-то в июле 2025 года, их новые дрончики много тренировались на мирном населении. То есть подвешивали бомбы к дронам и скидывали. Учились летать, как говорят, скидывая на мирное население. Ну и немного погонять людей по территории. Просто хотели уменьшить количество людей.

От этих ударов дронов люди погибли. Почти в каждом доме от украинских дронов погибшие люди похоронены. Могилы в Димитрове почти через дом. А недалеко от многоквартирного дома жили украинские снайперы. Они просто издевались над людьми, стреляли в любые части тела и ждали, пока человек истечёт кровью. Часто либо в руку, либо в ногу стреляли. Он истекает кровью, мучается. Они вообще часто издевались над людьми. Если их дроны-разведчики видели надписи «живут мирные люди», то через день-два прилетала украинская Баба-Яга или тот же самый ФПВ и начинали бомбить или взрывать этот дом. Бывало, что подлетала Яга, а на ней была танковая мина, и они скидывали танковую мину на дома».

20 Огнева Галина Васильевна, жительница города Димитрова

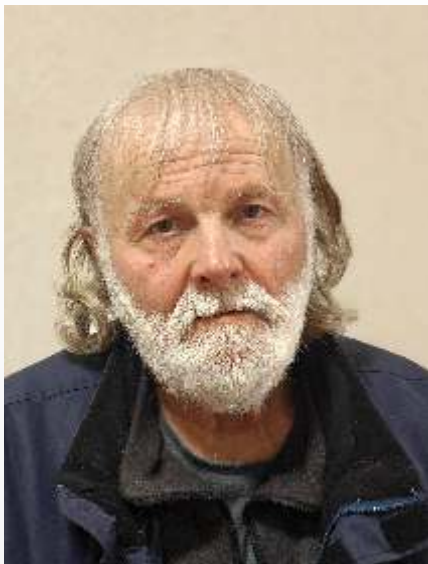
«В Очеретино давно еще стреляли в мою дочь. Щербань Светлана Александровна.

Украинцы просто прострелили ей живот, задели бедренную кость, и пуля вылетела в ягодицу. Это когда «Азовцы» приехали и начали просто гнобить мирных. Зять забрали куда-то в подвал. Ей связали руки скотчем и куда-то повели. Потом то ли специально, то ли случайно выстрелили в нее. Там была очень большая потеря крови. Она лежала два месяца здесь в больнице. Я, когда к ней приехала сюда, у неё пальчики были, как у покойника, обескровлены.

А в Димитрове, 6 марта, к нам прилетел украинский дрон. Мы все услышали приближение. Мы ж уже понимали всё это. Дети быстро спрятались в ванну. Я упала, повылетали стёкла, штукатурка, как обычно. Украинские дроны гонялись за нами.

Иру соседку убили. А Украины для нас уже нет и не будет».

21 Нахаев Владимир Петрович, житель города Димитрова

«Мне шестьдесят восьмой год, я жил в Димитрове на переулке Львовский.

Один человек мне рассказывал, как украинские военные его остановили. Начали там, туды-сюды, за кого ты?

Один военный из автомата сперва выстрелил возле ног. А он говорит: «Я не стал ждать, пока вторая очередь». Развернулся, как рванул, они ему вдогонку с автомата лупанули и, короче, руку насквозь прострелили. Этот человек работал у своего брата в магазине подсобником.

От украинских дронов много погибало людей. Они тренируются на людях. Однажды жена и соседи стояли под подъездом.

Это я точно знаю, потому что я сидел в квартире, пил чай, а они стояли возле подъезда – шесть человек. Все знакомые: сын мой, жена моя, потом соседи. А потом такая вспышка в глазах, звук. Со стула меня вышвырнуло.

Выбегаю в подъезд, и тут весь подъезд в крови. Короче, жену мою ранило, сына. Кольку сильно ранило и его жену Надю тоже сильно ранило. Металлические двери там – и их пробило насквозь. Украинским дронщикам, конечно, было видно, что это все гражданские стоят».

22 Шиков Виталий Николаевич, житель города Димитрова

«Восьмого сентября 2025 года мы с женой пошли по воду. И получается, что я пошел быстрее, а жена отстала.

Начался украинский минометный обстрел. С правой стороны от меня разорвалась мина. Осколок два миллиметра от виска мне попал.

В другой раз мы шли, и нас начал преследовать украинский дрон. Мы оказались на открытой местности, он нас догнал и передо мной скинул бомбочку.

Я получил ранение в живот. Теперь хожу с осколком в животе. Два ранения получил. Это все от украинских солдат.

Вот под моей квартирой жили муж и жена. И они оба погибли от украинских дронов. Оба. Муж в ноябре, а жена в декабре. Тоже украинский дрон ее убил. Переулок Титова, дом 4.

В доме напротив, тоже пятиэтажный дом, Титова два мужик жил. Вон, за домом пилял, рубал дрова у себя на огороде. Тоже прилетела мина к нему прямо на город, и его не стало».

23 Майков Александр Васильевич, житель города Димитрова

«В Димитрове я жил на улице Говорова. Украинские военные к нам агрессивно очень относились. Если зайти к ним в дом или в подвал, могли расстрелять. Много таких случаев было.

Я чужим людям помогал, прятал детей. Если бы укрупы узнали, что я прячу этих детей, меня просто за это расстреляли бы.

Такие случаи были. Например, женщина с мужчиной прятали своих детей. Укрупы их нашли. Мужчину расстреляли, женщину вывезли в неизвестном направлении с детьми.

Были и случаи изнасилования, когда укрупы изнасиловали женщину. Мужчина сказал им: «Что вы делаете с моей женщиной?» Они ему сначала пулю в ногу, а потом пулю в голову. Застрелили. В ноябре двадцать пятого года.

Мирных много из города погибло, украинские дроны охотились на нас. Было два раза, что за мной дрон прямо гнался.

Тогда еще листва была, я под деревья успел запрыгнуть. У них были специальные дрончики, которые именно охотились на людей и били по домам, по людям».

24 Анишкевич Элина Николаевна, жительница города Димитрова

«Дронами нас украинцы били немилосердно. Жили мы в одном доме. Ну, чужой дом, конечно, у нас уже всё сторело. Я лежу, читаю книжку на диване.

Начало июня 25-го. Я только встала на кухню, а они как влупят, и там вот такая дыряка прогорела на потолке. Мы выскочили, смотрим, дрон. Димитров, Колодезная, д. 67.

А люди там стояли под деревом. Потом уже, когда я подходила, они говорят: «А мы видели, откуда взлетел. Мы ещё удивились, что он с интерната взлетел, там была позиция ВСУ. Он сразу к вам полетел на крышу лупить».

А однажды я только начала выходить из квартиры, и тут прилет прямо в стену, и мне в ногу. У меня кровь фонтаном. Ну, я перетянула ногу жгутом.

А у меня рядом в доме, я в 117-м была, а тут – 119-й, у меня зять там жил. Я бегу туда, а обстрел идёт. Я кричу: «Серёжа, ты где, ты где?» – «Я тут, иди спускайся». Выходим – только вышли с порога – и я иду, а он говорит: «Посмотри, в траве сосед лежит». Мы к нему – у него

перебита бедренная артерия. Это по улице 1 Мая, 112. Это было 20 июля 25 года. Мы к нему – перебита артерия, он уже весь в крови, и собачонка возле него охраняет, лежит вот так, на нас смотрит.

Украинцы били, мы слышали, с одной стороны города со своих позиций в другую сторону города, по городу. А российские войска были далеко, миномёты их не долетали.

А потом еще, по Молодежной, украинский танк стрелял целенаправленно по мирным людям. Мать жива, а сына убило в соседней комнате. Он выехал на дорогу и давай целенаправленно по дому стрелять.

Мы для хохлов нелюди. Те, кто остался, — вот мы ждуны. Вот они нам говорили: «Чего вы не выезжаете? Мы вас всё, всё одно постреляем. Будем уходить, мы вас постреляем».

А контузия у меня после Дня шахтёра. Начался обстрел, такой сильный, по нашему сектору. С украинских позиций. У нас горел дом, горел гараж, сгорел дом, сгорела машина, в общем, сгорело всё.

А в шесть часов я иду кормить котов, и у меня под навесом там, где я их кормила, и зашла под навес, слышу: «сиииииииииииииииииииииии...» – такой звук. Самые страшные пискуны мы их называли.

И дрон в угол навеса бьёт. Я теряю сознание. Второй ударил за огородом. Их два было. Потом я в себя пришла, часа через два. У меня котов некоторых убило. А у меня собака умная.

Она побежала по соседям сама – обожжённая, контуженная, раненая – побежала по соседям звать на помощь, потому что она всегда со мной ходила. Она большая такая собака, крупная.

И она прибежала к соседям. Зять был у соседей – прибежал. Меня на руки, в комнату, а я два часа без сознания.

У меня волосы полностью сгорели, вся голова посечена осколками. Два человека вынимали осколки. И глаз у меня был повреждён. В общем, лицо было обезображенное: бровь, нос.

Моё желание – чтобы Украины вообще не было как государства. Не то чтобы всех уничтожить, но как государство не должна она существовать».

25

Воронцов Николай Иванович, житель города Димитрова

«Украинские войска били прямо с миномётов по жилой зоне.

Все украинцы били и обстреливали. И разрушений, и ранений было много.

Как-то женщине прилетела мина, когда она из дома выходила. Взрыв – и оторвало ей ногу. У нее Усик фамилия, а дом на улице Плеханова.

Украинские дроны били, и люди погибли. Люди сами потом хоронили погибших. Украинцы просто ненавидят наших людей».